

ТИПОЛОГИЯ ИМПЕРАТИВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Ю. ГУСЕВ

Типология ИМПЕРАТИВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 80/81
ББК 81
Г 96

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 13-04-16004

Рецензенты:
д. ф. н. *Н. Р. Сумбатова*,
к. ф. н. *Т. А. Майсак*

Гусев В. Ю.

Г 96 Типология императива. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 336 с.

ISBN 978-5-9551-0643-4

Книга представляет собой анализ морфологических и синтаксических свойств форм и конструкций со значением императива, описание их особенностей, частотности в языках мира и ареального распределения. Материалом для изучения послужила выборка из более чем 200 языков. Работа состоит из пяти основных глав, первая из которых посвящена семантике императивных высказываний; изложенные в ней взгляды являются основой для объяснения устройства императивных конструкций в последующих главах. Вторая глава посвящена особенностям морфологии и синтаксиса императивных форм и конструкций в целом. В третьей главе рассматриваются морфологические и синтаксические явления, характерные для отдельных лично-числовых форм. Четвертая глава посвящена типологии императивных парадигм. В пятой главе рассматриваются и объясняются не прямые употребления императива. Впервые типологически изучаются многие семантические подтипы императива (такие как императивы движения, пропозитивные императивы и др.), формальные типы императивных конструкций (в частности, особенности поведения объекта при императиве, особенности императива в эргативных языках, типология нерегулярных императивов).

ББК 81

© В. Ю. Гусев, 2013
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2013

ISBN 978-5-9551-0643-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	9
Введение	11
Материал.....	11
История изучения императива.....	14
Структура книги.....	16
Глава 1. Семантика императива	18
1.1. Определение императива	18
1.1.1. История вопроса	18
1.1.2. Каузация. Определение императива	21
1.1.3. Контроль	25
1.1.4. Лицо исполнителя	26
1.1.5. Желание говорящего	30
1.1.6. Императив предположения	31
1.1.7. Проблема частных интерпретаций значения повеления	35
1.1.8. Повеление среди других речевых актов.....	37
1.1.9. Императивные вопросы	40
1.2. Семантика отдельных лично-числовых форм императива	42
1.2.1. Второе лицо единственного числа.....	44
1.2.2. Второе лицо множественного числа.....	45
1.2.3. Форма «совместного действия» — 1-е лицо мн. ч.	46
1.2.4. Третье лицо	47
1.2.5. Первое лицо единственного числа.....	51
1.2.6. Императивная иерархия.....	54
1.3. Семантические подтипы императива.....	56
1.3.1. Нейтральный императив vs. семантические подтипы императива	56
1.3.2. Прохибитив.....	59
1.3.3. Превентив.....	60
1.3.4. Императив будущего времени	65
1.3.5. Императив немедленного действия	67
1.3.6. Императивы движения.....	67
1.3.7. Императивы изменения действия	71

1.3.8. Антериорный императив	73
1.3.9. Вежливый императив.....	76
1.3.10. Некатегорический императив	80
1.3.11. Категорический императив	82
1.3.12. Просьба	83
1.3.13. Пермиссив.....	85
1.3.14. Инструкции.....	87
1.3.15. Вопросительно-повелительные конструкции.....	89
1.3.16. Десемантизированные императивы	92
1.4. Неглагольные императивы.....	95
1.4.1. Имена существительные.....	95
1.4.2. Имена прилагательные	98
1.4.3. Междометия.....	99
Глава 2. Типология императивных форм и конструкций	103
2.1. Интонация повелительных высказываний.....	103
2.2. Императив как грубая/категоричная форма	107
2.3. Ограничения на образование императива.....	110
2.3.1. Залоговые ограничения.....	110
2.3.2. Ограничения на семантику основы	112
2.4. Дирекционные показатели в императиве.....	114
2.5. Нерегулярные и супплетивные императивы	116
2.6. Транзитивность и императив в эргативных языках	135
2.7. Неспециализированные формы в функции императива.....	142
2.7.1. Временные формы индикатива	146
2.7.2. Неиндикативные финитные формы.....	152
2.7.3. Подчиненные и нефинитные формы	156
2.7.4. Выводы.....	161
2.8. Подлежащее при императиве.....	165
2.9. Агентивность и иерархия лиц в императиве	172
2.9.1. Особенности иерархии лиц в императиве.....	172
2.9.2. Объект ниже на шкале агентивности: нулевая маркировка	175
2.9.3. Объект выше на шкале агентивности: особая маркировка.....	180
Глава 3. Лично-числовые формы императива	187
3.1. 2-е лицо	187
3.1.1. Нулевой показатель во 2-м лице императива	187
3.1.2. 2-е лицо императива и 3-е лицо индикатива: примеры полисемии	191
3.1.3. 2-е лицо императива выражается особым показателем	194

3.1.4. 2-е лицо императива выражается обычными показателями 2-го лица.....	196
3.1.5. Число во 2-м лице императива.....	198
3.1.6. Особые императивные местоимения.....	199
3.2. Первое лицо множественного числа.....	200
3.2.1. Способы образования форм 1P1 императива.....	200
3.2.2. Оппозиция по инклюзивности в 1P1 императива.....	203
3.2.3. Возникновение оппозиции минимального и расширенного инклюзива в 1P1 императива.....	208
3.3. Третье лицо.....	210
3.3.1. Образование форм 3-го лица с помощью каузативного показателя.....	211
3.3.2. Образование форм 3-го лица с помощью глагола «говорить».....	212
3.3.3. Формы числа в 3-м лице.....	212
3.3.4. Употребление 3-го лица для обозначения части слушающих.....	214
3.4. 1-е лицо ед. ч. и 1-е лицо мн. ч. эксклюзива.....	217
Глава 4. Типы лично-числовых парадигм императива.....	223
4.1. Неоднородность императивных форм.....	224
4.2. Классификация императивных парадигм.....	228
4.3. Формы 1Sg в императивных парадигмах.....	241
4.4. Некоторые принципы организации императивных парадигм.....	242
Глава 5. Императив и смежные значения.....	245
5.1. Оптатив.....	245
5.2. Намерение.....	255
5.3. Долженствование и возможность.....	260
5.4. Придаточные предложения цели.....	267
5.5. Условные и уступительные придаточные.....	271
Заключение.....	282
Анкета для описания императива.....	283
Сокращения.....	291
Языки выборки.....	293
Указатель языков.....	295
Предметный указатель.....	305
Литература.....	312

ОТ АВТОРА

В основе этой книги лежит кандидатская диссертация, написанная под руководством д. ф. н. проф. (ныне — члена-корреспондента РАН) В. А. Плунгяна в Отделе африканских языков Института языкознания РАН и защищенная в 2005 г. на Факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ. Только своему (формально — бывшему) научному руководителю я обязан и тем, что диссертация все-таки была написана, и тем, что, вопреки всем моим ожиданиям, она превратилась в книгу. Я пользуюсь случаем поблагодарить его за настойчивость и терпение, не говоря уже о многом другом!

Большая часть материала для диссертации была собрана во время работы в 2001 г. в рамках проекта «World Atlas of Linguistic Structures» (см. Haspelmath et al. (eds.) 2005 и <http://wals.info>) в Центре грамматических, когнитивных и типологических исследований (Centrum voor Grammatica, Cognitie, en Typologie — CGCT) Университета Антверпена под руководством проф. Йохана ван дер Ауверы, которому я признателен за возможность работать над интересной мне темой и пользоваться великолепной библиотекой Антверпенского университета и, кажется, не менее обширной собственной коллекцией лингвистической литературы CGCT.

За важные замечания, которые помогли мне сейчас переработать текст, я благодарен тем, кто прочитал диссертацию, — своим оппонентам д.ф.н. проф. В. С. Храковскому и д.ф.н. проф. И. А. Муравьевой, а также анонимному автору отзыва ведущей организации (ныне — к.ф.н.) Ю. А. Ландеру.

Множество замечаний по тексту было сделано Кс. П. Семёновой; если бы не она, в книге было бы гораздо больше ошибок и не было бы ни одной буквы ё.

И, разумеется, я признателен всем, кто помогал мне работать над диссертацией и потом над книгой и отвечал на вопросы по «своим» языкам (ссылки на их «личные сообщения» есть в тексте); я заранее прошу прощения у тех, чьи любимые языки я неправильно интерпретировал или сделал ошибки в примерах. Я благодарю тех, кто помогал мне доставать литературу, обсуждал текст, отмечал мою защиту, терпел, что я трачу время на эту работу, или терпел, что я трачу время на что-то другое, и поддерживал меня как в первом, так и во втором.

Издание книги стало возможным благодаря гранту Российского гуманитарного научного фонда, а также издательству «Языки славянских культур», сотрудников которого я пользуюсь случаем поблагодарить за многолетнюю совместную работу.

ВВЕДЕНИЕ

Императив (повелительное наклонение) — это глагольная форма, предназначенная для выражения повеления, одного из основных иллокутивных типов высказываний (см. раздел 1.1.8). Очевидно, на любом языке можно выразить повеление. Высказывались даже гипотезы — конечно, трудно доказуемые, — о том, что зарождение языка началось именно с императивных высказываний ([Сильницкий 1990; Топоров 2004: 124]. Ср. также данные о раннем появлении императивных высказывания у детей (например, [Цейтлин 2009: 235—241]) и о преимущественно императивном характере жестикуляции у человекообразных обезьян [Фитч 2013: 501], а также о знаках-просьбах у обезьян, которых обучали языку [Зорина, Смирнова 2006: 151].

При этом в подавляющем большинстве языков (около 85%) для повеления имеется специализированная глагольная форма — как минимум во 2-м лице ед. ч. Эти специализированные глагольные формы и являются основной темой этой книги, хотя по необходимости мы будем затрагивать здесь и смежные темы: выражение повеления формами иных наклонений, с одной стороны, и употребление императива для выражения иных значений — с другой.

Материал

В работе мы использовали материал всех языков, информация о которых оказывалась в нашем распоряжении (см. Указатель языков в конце книги). Однако основой для статистических подсчетов послужила выборка из 200 языков, основанная на списке языков, использованном в проекте «World Atlas of Linguistic Structures» [Haspelmath et al. (eds.) 2005], с несколькими заменами, обусловленными соображениями доступности материала по некоторым языкам (языки выборки перечислены в конце книги, и замененные языки там специально отмечены). Эта выборка не лишена недостатков; в частности, она гораздо лучше сбалансирована географически, чем генетически. Однако мы полагаем, что приблизительное представление о соотношении частоты тех или иных явлений в языках мира она дает.

К сожалению, помимо сбалансированности выборки, на достоверность статистических подсчетов влияет и полнота информации о каждом отдельном языке. Здесь мы зависим от имеющихся в нашем распоряжении описаний, которые часто неполны.

Недостаток информации вообще оказался основной проблемой для типологического описания императива. Примерно для трети рассматриваемых здесь языков нам не удалось получить ответ даже на такой относительно простой вопрос, как способы выражения повеления, обращенного к 3-му лицу (см. раздел 3.3). Не приходится и говорить о более сложных проблемах, действительно требующих специального исследования для каждого языка (например, таких, как разграничение вежливых vs. некатегорических императивов, см. п. 1.3.9—1.3.11). Поэтому цифры, приводимые при для того или иного явления, означают лишь процент языков, про которые нам известно, что в них это явление существует. Вполне вероятно, что еще в каком-то количестве языков то же явление осталось нам неизвестно.

Соответственно, достоверность статистических данных может сильно различаться. Предположительно ее можно оценить, исходя из характера описываемого явления. Так, морфология обычно бывает описана более полно, чем синтаксис; поэтому указываемая частота тех или иных морфологических особенностей, скорее всего, близка к истинной. Если к тому же обсуждается форма 2Sg, в цифрах практически можно не сомневаться. Такова, к примеру, указываемая в разделе 3.1.1 частотность нулевых форм 2Sg императива; можно верить и процентам нерегулярных и супплетивных форм императива (раздел 2.5). В описании синтаксиса бывает больше пробелов; тем не менее такие явления, как, например, употребление формы номинатива для прямого объекта при императиве (п. 2.9.2), обычно также отмечаются.

Наименее полно обычно описывается семантика, в том числе полисемия императивных форм. Поэтому приводимые в главе 5 данные о частотности тех или иных типов полисемии, скорее всего, значительно преуменьшены. В некоторых случаях из-за недостатка данных мы были вынуждены вовсе отказываться от какой-либо статистики (см., например, п. 3.2.2 об инклюзивности в императиве).

По причине недостатка информации во многих случаях мы были вынуждены и вовсе отказаться от каких-либо утверждений и ограничиться постановкой вопросов в расчете на то, что ответы на них, когда и если они будут получены, легко смогут быть встроены в существующую схему.

Укажем здесь основной принцип отбора материала: в каждом языке нас интересовали только те черты, которые отличают императив от прочих форм. Только про такие черты можно говорить, что они «характеризуют императив», «образуют императив» и т. д. Так, нельзя, по нашему мнению, говорить, что в русском языке императив образуется с помощью чередования конечного согласного корня (*плакать* — *плачь*, *сказать* — *скажи*), поскольку то же чередование присутствует во многих других формах глагола (*плачет*, *скажет* и т. п.). Аналогично, в немецком языке у сильных глаголов императив 2Sg не «образуется» с помощью аблаута (*nehmen* ‘брать’ — *nimm* ‘бери’), потому что тот же аблаут есть в соответствующих формах индикатива (2Sg индикатива *nimmst*). Возможно, есть языки, в которых императив образуется с помощью чередования корневого согласного или гласного, однако важно понимать, что русский и, соответственно, немецкий или тем более семитские языки к таковым не относятся. Ср. также пример, приводимый в разделе 2.5: при обсуждении нерегулярных императивов мы учитываем венгерскую форму *gyere* ‘иди сюда’, но не учитываем форму *jöjj* с тем же значением, поскольку глагол *jön* ‘veni’ меняет свою основу не только в императиве.

Второй принцип ограничения рассматриваемых явлений теоретически также очевиден, однако на практике его провести бывает сложнее. Речь идет о вероятности случайного происхождения тех или иных особенностей императива. Так, про русский язык нам известно, что палатализация конечного согласного в императиве у глаголов с ударением на корне (*сядь*, *парься*) объясняется в конечном счете отпавшим *-и* (см., например, [Иванов 1964: 395—399]), которое и вызвало палатализацию согласных, ставшую правилом и распространившуюся на глаголы, которые очевидно не существовали в древнерусский период (как *спать* от *спамить*), но, по общему правилу, не затронувшую конечные заднеязычные (*ляг*). Для языка с менее изученной историей мы были бы вынуждены констатировать, что императив части глаголов образуется с помощью палатализации конечного согласного, причем глагол со значением ‘лежать’ является странным исключением. Избежать этой проблемы невозможно; однако следует учитывать вероятность случайного возникновения того или иного явления — особенно если оно типологически уникально.

Как обычно, при примерах указывается их источник, кроме случаев, когда пример взят нами из Интернета, из личной переписки, из полевой работы либо из того, что зовется *personal knowledge*.

В примерах мы в ряде случаев сохраняем переводы и глоссы источников (в большинстве случаев английские). Обозначения грамматических значений мы старались унифицировать (см. список сокращений в конце книги), однако там, где дело не касается императива, мы во многих случаях некритически сохраняли терминологию источников. Примеры на основных европейских языках не глоссируются.

Для значений 'идти к говорящему' и 'идти от говорящего', различие которых важно для ряда аспектов императива, но не передается адекватно по-русски, мы при необходимости используем латинские глоссы «venio» и «eo», соответственно.

История изучения императива

Не претендуя на исчерпывающее изложение истории изучения императива, отметим, что он привлекал к себе внимание исследователей достаточно давно. Первая из известных нам работ, посвященных описанию употребления императивных форм в конкретном (немецком) языке, появилась еще в 1820 г. [Ribbeck 1820]. Как и следовало ожидать, в первую очередь эти работы были посвящены крупным европейским языкам — ср., например, такие исследования, как [Davies 1986] (английский язык), [Donhauser 1986] (немецкий), [Löfstedt 1966] (латынь и романские языки), [Бирюлин 1994] (русский) и немалое количество других работ. При этом, поскольку формально императив в европейских языках устроен достаточно просто, основное внимание уделялось описанию его употребления и попыткам эксплицировать его семантику.

При этом, по-видимому, наиболее интригующей проблемой оказывалось не употребление императивных форм для выражения повеления, но возможность употребления тех же самых форм в значениях, никак — по крайней мере на первый взгляд, — не связанных с приказами, просьбами и т. д. Такое употребление, с одной стороны, характерно для многих европейских языков, а с другой — резко выделяет императив на фоне прочих глагольных форм в тех же языках; для последних, разумеется, также свойственна полисемия, но в большей степени остающаяся внутри круга интуитивно близких значений. Императив же склонен к совершенно «неожиданным» и не связанным с его основной семантикой употреблениям, которые можно проиллюстрировать уже на русских примерах: *А он возьми и скажи; Приди он пораньше, может, все бы и обошлось; Все ушли, а*

я дома сиди и др. Поэтому авторы многих из указанных выше и других работ значительную часть места уделяли попыткам объяснить подобную «странную» полисемию, а некоторые работы были фактически посвящены ей. При этом сформировались два основных подхода к ее объяснению — см. об этом в п. 1.1.1.

Еще одна теоретическая проблема, вокруг которой разворачивалась оживленная полемика, — это то, для каких лиц можно говорить о существовании императива. Одни исследователи утверждают, что императив может быть только 2-го лица и 1P1, другие допускают императив 3-го лица; наконец, третьи полагают, что императив может иметь тот же набор лично-числовых комбинаций, что и все прочие формы (см. обзор этой полемики в [Храковский, Володин 1986: 8—16] и предлагаемое нами решение этой проблемы в п. 1.1.4). Причиной возникновения этих споров стало, очевидно, то, что для императива в высшей степени характерна формальная неоднородность лично-числовой парадигмы, и европейские языки здесь не являются исключением.

Наряду с обсуждением теоретических проблем императив, разумеется, занимает положенное ему место в грамматиках конкретных языков, равно как и в руководствах по общей лингвистике, общему синтаксису и т. д.

Отдельное направление исследований представляют работы в рамках теории речевых актов. Повелительные («директивные», «декларативные») речевые акты упоминаются в работах Дж. Остина [Austin 1962] и Дж. Серля [Searle 1979] и др., а ряд исследований специально им посвящен — ср., например, [Hamblin 1987]. Впрочем, во многих из них собственно языковые данные упоминаются в минимальной степени (ср., например, обширную статью [Mein 1991], в свою очередь являющуюся развернутой рецензией на указанную книгу Ч. Хэмблина).

Началом собственно типологического исследования императивных форм — т. е. исследования форм со сходной семантикой в большом количестве языков на основании одних и тех же принципов — стала монография [Храковский, Володин 1986]¹. В течение следующих нескольких лет был опубликован сборник статей, посвященных как теоретическому анализу, так и описанию повелительных

¹ Ей предшествовали более частные публикации ее авторов, а также Л. А. Бирюлина и других исследователей.